

УДК 111.1+13

Ю.С. Осаченко

СТРУКТУРА МИФИЧЕСКОГО: КОНСТЕЛЛЯЦИЯ КАК КОНФИГУРАЦИЯ ОПЫТА СОЗНАНИЯ

Рассматривается проблема поиска адекватных методологических принципов философского анализа мифа. Мифическое является амбивалентным динамическим феноменом культуры и структурным элементом опыта сознания и самосознания. Опыт сознания интерпретируется здесь как целостность различения, синтеза и идентификации. Конstellляция является динамичной поливалентной конфигурацией мифологического сознания.

Ключевые слова: миф, сознание, опыт, конфигурация, конstellляция.

Мифическое – одна из наиболее многообразных, амбивалентных (по своему проявлению) и глубоких (по воздействию) категорий человеческой культуры. «Мифическое» как понятие – субстантивация прилагательного, лишающая статичности то многообразие явлений, событий и процессов, которые имеют непосредственное отношение к мифу и мифологии, к мифогенезу и мифотворчеству, к мифосознанию и мифоритуальным практикам. Лейтмотив мифического – динамика (пассивный, но потенциально реактивируемый генезис) оснований онтологий, становления конкретно-исторических содержаний и воплощения мифа в различных пространственно-временных конфигурациях, в смысловом, ценностном и нормативном многообразии. Мифическое охватывает как акты мифосознания и мифотворчества (саму амбивалентную пассивно-активную продуктивность опыта конституирования специфических предельных, «сакральных» содержаний в их никогда-незавершенном гештальте), так и продукт, статически фиксированный результат, «натурализацию» опыта, превращенные символические формы, круговращающиеся в пространстве социокультурных коммуникаций, в поле транс- и деформаций коллективных и анонимных следов опыта.

В рамках данной работы мифическое – особый динамический элемент или структурный момент опыта сознания, понимания и коммуникации, конститутивный для жизненного мира, определяющий во многом его базовые структуры и практики (мифологию и ритуалы). Это относится и к генезису любого воплощенного понимания (экзистенции), и к существованию интересубъективного «пространства совместности», социокультурной конфигурации, к уровню коммуникативной практики как взаимодействия разнородного в социокультурном поле. Миф в данном контексте – особая форма синтеза «первично различенного (бытия) сущего»; синкретическая конstellляция гетерогенных элементов опыта сознания; стадия виртуальной «приостановки различий» и «утраты времени», виртуального совпадения эгоцентрической перспективы (понимания), интересубъективной структуры (языка) и различного в бытии сущего (мира). Это – опыт нерелексивного формирования неразложимого ядра онтологии, «первого онто-гносеологического тождест-

ва» как различного сознанием в бытии, в котором воплощается и «проговаривается» опыт понимания (различения-схватывания-постижения) «Бытия (Реальности, Начала)». Это место обретения тождества, спайки всего различно различаемого: бытия и сознания, бытия и сущего, истока и горизонта, имманентного и трансцендентного в «изначальности первого события», которое ре-актуализируется в особом действии – ритуале, реактивации истории (вновь переживаемый опыт события прошлого-как-настоящего, повторение как экзистенциально значимое событие обретения прошлого).

Такой ракурс, сама оптика исследования позволяют по-новому раскрыть структуру мифогенезиса, уловить суть миро-раскрывающей функции мифа как «первого», не рефлексивно осознаваемого установления онтологического различия, прояснить специфику «облика сущего», синтезируемого в образе, идентифицируемого в имени, символически разворачиваемого в «первом сказываемом слове/языке». Это позволяет понять специфику мифологического структурирования и метафорического моделирования как созидания «системы различенности сущего», особого мифо-онтологического топоса, в котором разворачиваются дальнейшие онтические практики. Становится возможным прояснение сути мифотворчества как формирования исторического/синтетического априори, основы для любой исторически реализуемой идентификации. Можно по-новому показать роль мифического в конституировании сущего как системы различенностей, в формировании дискурса или теории любого уровня рафинированности /рефлексивности, любой онтологии, идеологии, структуры понимания.

Установленная в постклассической («постметафизической») философии релевантность до- и вне-теоретических контекстов формирования смысла, значимость жизненного мира, практик повседневности, неизбежная вовлеченность, инкарнированность, воплощенность сознания дают почву для новой тематизации специфики мифа и мифологического синкретизма.

Сознание понимается здесь в контексте дистинкционистской версии феноменологии. Стратегия дистинкционизма, полагающего различие в качестве онтологической границы и конститутивного свойства мира, разрабатывается в трудах как зарубежных философов [1, 2, 3], так и отечественных мыслителей [4, 5, 6, 7, 8]. Исходя из «априори различения», в контексте нашего исследования, сознание полагается как понимание, «поток различений-синтезов-идентификаций», в котором конститутивным моментом является не схватывание смысла (оно вторично), а различение, ответственное за открытие просвета между сферой сущего как «региона уже-различенного» (наличного), и бытия как «актуально или потенциально различаемого», открываемого – раскрывающего(-ся). «Сколькими способами различается сущее, столькими способами является бытие» [4. С. 29]. Многообразие форм «о-естественления» или натурализации историчности опыта сознания в схватывании созерцаемого, мыслимого, переживаемого задает почву для формирования начал, имплицитно фундирующих любой праксис, полагания или установления «истока и горизонта», предшествующего дальнейшему жизнестроительству. В то же время в праксисе осуществляется транс-фигурация и де-формация, (пере)плавление содержаний и элементов опыта, данных в разнообразии ипостасей сознания. Многомерная целостность сознания, динамика форм опыта, его

модусов, способов данности и т.д. генерируются из различения как *Apriogī distinctionis*. Опыт сознания как понимания присутствует во всех видах и формах опыта, типология которых многообразна. В мифическом опыте и мифологическом знаке осуществляется усилие по «добраиванию до целостности образа Бытия» как истока и горизонта разворачивания активности понимания, основы единства определенным образом постигаемого мира.

Сознание как многомерная целостность – нелинейная, динамическая структура, комплекс форм и модальностей опыта, в котором каждый элемент, каждая ипостась «естественного опыта» – «квазиестественна», фантомна и виртуальна по отношению к другим. Различать и выделять определенные ипостаси опыта сознания можно по-разному. Типология опыта открыта и переопределяема в зависимости от установлений исследовательского или герменевтического контекста. Мы остановимся на типологии, предложенной А.Н. Книгиным [7]. Он в рамках «методологии естественного реализма» выделяет в качестве ипостасей бытия сознания: разум или мышление, созерцание (чувственный опыт, в котором нечто дано как не-Я), переживание (экзистенциальный опыт, в котором дан неотчуждаемый Я-полнос) и праксис, действие, в котором интегрируются, «сплавляются» и преобразуются элементы опыта. Ни одна из сторон или ипостасей опыта сознания «...не может быть судьей для другой ... Разум не может проверяться созерцанием и наоборот. Переживания не проверяются (т.е. ни подтверждаются, ни опровергаются) разумом, практикой. Они самоценны и самозначимы. Одинаково реально существует (для «естественного человека» как субъекта, не рефлексующего перманентно. – Ю.О.) все, что дано в одной из ипостасей» [7. С. 10–11]. Ипостаси опыта сознания не только взаимно независимы в своей реальности, но и *взаимно фантомны*. *Взаимная фантомность* означает, что реальное, естественное и обычное в одной ипостаси выглядит как нереальное, неестественное и необычное в другой. Это нашло отражение в философских идеях «подлинного» и «мнимого» бытия и других подобных. *Ипостаси бытия неприводимы друг в друга*. «Можно созерцать окружность, но невозможно созерцать величину ее длины $2\pi R$, которая существует в мире мыслимых, но не созерцаемых отношений.... Созерцая прямую или мысля ее аналитическую формулу, я могу испытывать наслаждение или скуку. Это – переживания. Они в себе не имеют ничего общего ни с созерцаемым, ни с мыслимым. Это – самостоятельная ипостась ... Ипостаси – взаимно незаменимы ... взаимно дополнительные» [7. С. 13–14]. Сама целостность сознания задается через объединение различных ипостасей воедино. Как это возможно? На наш взгляд, здесь релевантным методологическим ходом является обращение к синкретичности опыта, синкретичности предельного горизонта разворачивания активности понимания как ключевой характеристике мифического.

Онтологии любого рода (как нерелексивные, так и теоретически-релексивные) выстраиваются на основании определенного способа редукции многообразия опыта к устанавливаемому в качестве первоначала элементу, синтетические единства конституируются в актах суждения-воли. Фантомность ипостасей определяет непреодолимость гештальт-сдвига в мифологических мирах, исходящих из различных исторических априори, из символической сакрализации разных форм и элементов опыта. Отсюда мож-

но вывести типологию мифов – от архаических мифоритуальных перформансов до современных дискретных социальных мифов или «вторичных мифов» философии, литературы, искусства. Вся их специфичность и степень локальности определяются сложностью конфигураций предшествующих систем различенностей и характером синкрезиса, его фундирующим элементом, сакрализуемым «неделимым смысловым ядром», то есть теми априори, которые выбраны в качестве точек отсчета в построении соответствующей онтологии. Именно выбор той или иной предпосылки как несомненной, очевидной само собой разумеющейся оставляет за бортом другие способы интерпретации мира, деформирует структуру локала, определяя непрозрачность мифологических миров для «чужака», создавая непрозрачность и конфликтность различных способов понимания мира. Но в то же время через осознание этой конфликтности и локальности любой онтологии как системы смысловых и ценностных координат реализуется возможность преодоления «духоты сущего» и символического «насилия онтологий» для выхода в просвет различаемости бытия.

Синкретичность как мифологическая интергрированность и «примиренность» элементов разнородного является проявлением комплексности мифосознания. Один и тот же предмет, существо, вещь, явление как выделенный, различенный сознанием элемент бытия может включаться в различные констелляции, группы, смысловые комплексы. Модель отношения всеобщего и единичного, позволяющая тематизировать эту особенность синкретизма мифа, – констелляция как особая конфигурация элементов опыта сознания.

«Констеллятивное мышление» [8] является релевантной методологической конструкцией для интерпретации специфики мифосознания. Констеллятивное сознание понимается как динамическое поливалентное компонование элементов опыта, как темпоральная конфигурация – взаимное примиряющее расположение гетерогенных и/или однородных элементов, изменяющееся в зависимости от их совместного совокупного движения вокруг некоторого центра – присутствия, «слепого пятна», неопределяемого «центра осуществления различения», в котором проявляется лишь потенция переживаемости, возможности осуществления тождества как «виртуальный центр сил». Целостность создается и обнаруживается в изменяющихся отношениях, в круговращении и становлении единичных моментов. Отношения внутри констелляции не редуцируются к мнимо-первичным или общим элементам, целое – процессуально, динамично, такова же истина этого единства. Синтез в такой перспективе образуется не как насильственное связывание, но как «мерцание» и «текучесть» связей особенных моментов, экстремумов, между которыми существует силовое напряжение, «поле», энергия взаимодействия, определяемое онтологической интенсивностью присутствия.

«Констеллятивное мышление» как историчное «смутно-различаемое пространство» (все-)общности динамического конфигурирования смыслов предшествует и противостоит как нарративу, так и дискурсивно-каузальному мышлению научной рациональности с их «логическим/онтологическим насилием». Можно сказать, что уже линейность нарратива деформирует констелляцию, проясняя ее целое во взаимосвязях, но тем самым и деформируя многомерность и «мерцающий» характер мифического целого. Формально-

логическое мышление, дедуктивный вывод – еще более рафинированная структура, в которой властно элиминированы или подчинены форме понятия, суждения и умозаключения, все отличные от мышления элементы опыта сознания, отсюда и наличие «насилия». Конstellлятивное мышление конфигурирует в динамической открытости элементы миметического, прагматического и прото-теоретического опыта как возможности для «кристаллизации» в структурах схватывания ставшего сущего, объективированного и опредмеченного. В рамках конstellлятивного мышления упорядоченность и структурность достигаются не за счет закрытости систематического дедуктивного или индуктивного вывода, но за счет расположения отдельных элементов и моментов разнородного, гетерогенного, в разнообразных вариантах «приближения-удаления» по отношению к «виртуальному центру сил» (переживаемому, экзистенциально-воплощенному), образуя прихотливые, многомерные и многозначные связи.

«Необыкновенное всеобщее», в котором соприсутствуют уникальность и неповторимость, является в логической одновременности своих составных элементов, одинаково значимых, в которых план выражения неотделим от плана значения, смыслового наполнения. Это – многомерное, символическое, многосоставное, полифоническое единство, динамический конstellлятивный синтез, не жесткая статичная структура, а «живое и динамичное» целое, в котором неявно присутствует возможность построения иерархии, определяемая генезисом элементов, порядком их исторического становления как различаемых и подвижных тождеств.

Порядок опыта выводится в перформативном конstellлятивном единстве логоса (понятия), праксиса (действия) и мимесиса (образа), центрированного экзистенциально-нагруженным переживанием (внутреннее чувство, не редуцируемое к образно-миметическому и структурно-логическому принципу). Таким образом, достигается символическое единство смысла как непреходящего, и истории как динамичного, изменчивого.

В рамках конstellляции элементы равноправны, реальностью обладают прошлое, настоящее и будущее, однако вечность, мифическое «время-до-всякого-времени» – это то, что актуализирует и наполняет значимостью, переживаемым смыслом и прошлое, и настоящее, и будущее. Так создается мифологическая конфигурация времени: вечное присутствует в прошлом, прошлое присутствует в настоящем, будущее просвечивает в конфигурации прошлого и настоящего как «вечное возвращение» того, что «всегда уже есть». Конstellляция обнаруживает, что настоящее помогает свершаться прошлому, реализуя заложенный в нем потенциал различий. Для «живого мифа» (М. Элиаде) нет, и не может быть никакого раз и навсегда завершенного, свершившегося мифологического факта. Он втянут в то, что происходит здесь-и-сейчас, в настоящем, факт продолжается, длится, ре-актуализируется, происходит и сбывается постольку, поскольку не обнаружил еще своего окончательного результата – поскольку священная история мифа жива и связана с опытом переживания, понимания и практическими контекстами самоосуществления человека, поскольку перформативно реконфигурирует целое.

Расшифровка мифологических кодов исключает одно-линейность про-

грессизма и предполагает нелинейность, полифонию, констеллятивно-конфигуративный подход. Миметический характер и познавательный потенциал такого «опыта схватывания в различии» предполагает новый абрис рациональности – не инструментально-технологический вариант линейной целерациональности, не каузально-дедуктивный вариант теоретической («чистой») рациональности, но соответствующий живому, ритмическому, мерцающему, открытому, незавершенному опыту сознания как нетождественного различающего, нелинейный вариант рациональности смыслообраза, констеллятивно-коммуникативной рациональности.

Сама способность различения, даже будучи неотрефлексированной, неотчетливой (предрассветной, сумеречной), будучи неразрывно связанной с синтезом-идентификацией, организует констелляции как чувственности, так и мышления, и экзистенциальной включенности в ситуацию (переживаемость смыслов мира как эмоционально окрашенные комплексы, аффективные единства). Мифологическое мышление, как и наглядно-образный, чувственный комплекс восприятий, представлений и переживаний, неизбежно, с необходимостью предполагает экзистенциальную включенность в горизонт мифической событийности – присутствие экзистенции в горизонте «своей ситуации», неотчуждаемой, переживаемой со всей полнотой подлинности. Мифа нет без этого элемента очарованности, «одержимости», захваченности на экзистенциальном уровне. Исследователи мифического зачастую игнорировали это измерение мифа, сводя его к наглядно-конкретной чувственности, к способу видения мира, но миф – не только созерцание и мысль, не только языковая форма, не условность схем, а переживание-как-открытая-включенность в контекст осмысленности, во взаимодействие, полнота предельно-искреннего и потому неизбежно наивного, неотрефлексированного, без метапозиции, проживания жизни, онтологичное со-участное внимание и сочувствие, содействие, вовлечение.

«Мистичность переживания» в мифе связана с «чудом переживания тождества», совпадения привычного, профанного мира – и «необыкновенности сакрального»; пересечения различенного в потоке времени – и того, что являет себя/переживается сознанием как вневременное, абсолютное. Переживание демонстрирует неподвластность этого чувства «магико-мистической сопричастности», «единства с началом-архэ» (полагаемому в качестве «лика бытия-как-такового») для механизма интеллектуальной квантификации и редукции к дискретности рассудочного мышления. Разумение, осмысление может быть ведомо по путевой нити наглядно-чувственного образа как знака переживания – чувства, фантомно мистичного для рассудочного мышления и потому парадоксального, выстраиваемого только в диалектической динамике переживания смыслообраза. Миф – запечатленное в образах, интенсивно переживаемое понимание мира «во всем великолепии, ужасе и двусмысленности его тайн» (Я. Голосовкер). По пути от образа к понятию легко теряется переживаемая ценность смысла, в транслируемом знаке отчуждение достигает максимума – во имя коммуникативной ясности. Тут знак вступает в игру поливалентных отсылок. Возможности означивания (совокупность означаемых) всегда ограничены практическим контекстом различенности (наличием системы уже реализованной различенности сущего), но теоретиче-

ски – бесконечны, так как различие открыто и проективно, оно может реализовываться в небывалых формах, во все новых конфигурациях. Именно язык и социальная практика, прежде всего, задают исторически ставший контекст и образуют резерв означивания – бессознательный, нерелексивный, а потому неизбежно мифологический. Бессознательное здесь понимается (например, у Леви-Стросса) как инвентарь потенциальных, всегда ограниченных по числу возможностей реализованного в истории типа означивания как уже-различенного, но (здесь-и-сейчас) не различного актуально, т.е. как седиментации опыта. Но переживаемое синкретическое единство, как продукт пассивного генезиса, помимо оперирования седиментациями, т.е. исторически ставшим наследием традиции, обращено к интенциональному резерву «сумеречного различения» как мифогенного ресурса.

Далеко не всё, различаемое в опыте сознания, достигает стадии самосознания, отвлечения и воплощения в слове как имени-идентификации, не все закрепляется в памяти в словесно-оформленном виде, в форме понятий, суждений, умозаключений. (Однако «миф как воплощенная, реализованная мысль» нуждается в именовании, проговаривании мифологии как почве для самосознания, для рефлексивного постижения). Различное тем не менее присутствует периферийно, в качестве «резерва осмысленности», как совокупность виртуальных образов, существующих не в ясном свете самосознания, но в сумеречной зоне потенциальной проявленности, из которой могут выхватываться и оформляться впоследствии новые конфигурации, элементы реального опыта как различной схваченности смысла в слове-образе, доведенности до фазы самосознания.

Эти сферы опыта – созерцание, переживание, действие, в том числе языковое – имеют собственную нередуцируемую специфику и потому фантомны по отношению к умозрительным «очевидностям» рассудка, но от этого не менее «реальны», наглядно-действенны для сознания, различающего эти регионы бытия, их оттенки и нюансы. Для «естественного человека» (А.Н. Книгин), в зависимости от конкретно-исторических сформированных содержаний-различностей «жизненного мира» как повседневно-естественного поля налично-подручного, каждая из ипостасей может выступать основанием устройства мировидения и мироощущения, миропонимания, реализации волевого самоопределения. Однако такое полагание всегда с необходимостью должно быть intersубъективно воплощено для исторически осуществляемого традирования системы различности (как порождения состоявшегося в опыте сознания события различения). Фантомность, на наш взгляд, является одной из ключевых характеристик мифа. Он выступает как реальность только для Своего – того экзистирующего сознания, которое интерактивно погружено в общий партикулярный горизонт, но выступает как немислимость и непонятность для Другого – иного экзистирующего сознания, разделяющего другие предельные убеждения, ракурс видения и различения которого инспирирован иными системами различностей. Фантомность мифа может быть проанализирована через выявление тех смысловых структур сознания, в которых определенные экзистенциальные ипостаси акцентируются и утверждаются в качестве «единственно возможных» онтологических полаганий и гносеологических стандартов. Иные возможности вытесняются,

уходя в область «непомышляемого». Непереводаемость ипостасей порождает взаимно не редуцируемую множественность парадигм сознания как матриц определенных прототипов или архетипов, эталонных идентичностей, априорных схем интерпретации структур опыта. Синкретическая констелляция мифа как виртуально-синтетический медиум разнородного, обеспечивающий общий горизонт потенциально осуществленной различенности, является той почвой, из которой структурируется и оформляется любой жизненный мир и генерируется всякое пространство совместности.

Литература

1. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2007.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
3. Делез Ж. Логика смысла. М., 2011.
4. Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с.
5. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 120 с.
6. Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык. Сознание. Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс, ЕГУ, 2010. 156 с.
7. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
8. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.

Osachenko Julia Stanislavovna National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ONTOLOGICAL STRUCTURE OF MYTHICAL EXPERIENCE: THE CONSTELLATION AS A DYNAMIC CONFIGURATION OF CONSCIOUSNESS

Key words: myth, consciousness, experience, configuration, constellation.

The paper addresses to the problem of finding adequate methodological principles of philosophical analysis of myth. Myth is ambivalent phenomenon and a structural element of self-consciousness. Myth is ambivalent dynamic phenomenon of culture and experience, a structural element of consciousness and self-consciousness. Experience of consciousness is interpreted here as the integrity of distinction, synthesis and identification. Constellation is a dynamic configuration of polyvalent mythical experience.

References

1. *Derrida J.* Pismo i razlichiye [Writing and difference]. Translated from French by D. Krachchkin. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2007. 432 p.
2. *Deleuze G.* Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. Translated from French by N.B. Man'kovskaya, E.P. Yurovskaya. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1998. 384 p.
3. *Deleuze G.* Logika smysla [The logic of sense]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2011. 472 p.
4. *Molchanov V.I.* Razlichie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya [Distinction and Experience: phenomenology of non-aggressive consciousness]. Moscow: Modest Kolerov i "Tri kvadrata" Publ., 2004. 328 p.
5. *Borisov E.V.* Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii [The main features of the post-metaphysical ontology]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2009. 120 p.
6. *Borisov E.V., Ladov V.A., Surovtsev V.A.* Yazyk. Soznanie. Mir. Ocherki komparativnogo analiza fenomenologii i analiticheskoy filosofii [Language. Consciousness. World. Essays on comparative analysis of phenomenology and analytical philosophy]. Vilnius: EGU Publ., 2010. 156 p.
7. *Knigin A.N.* Filosofskie problemy soznaniya [Philosophical problems of consciousness]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1998. 306 p.
8. *Adorno T.V.* Negativnaya dialektika [Negative dialectics]. Translated from German by E.L. Petrenko. Moscow: Nauchniy mir Publ., 2003. 374 p.